

В. В. Миронов¹

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ: ОТ ДИАЛОГА К МОНОЛОГУ?

В настоящее время в мире происходят процессы, которые значительно трансформируют культуру, во многом влияя на характер межкультурного диалога как основного механизма межкультурного взаимодействия. Происходит процесс разрушения системы локальных культур и, по-видимому, образование культуры иного типа, связанной с формированием глобального коммуникационного пространства. В статье мы раскроем особенности, связанные с локальным характером культуры, определяющим специфику межкультурного диалога и его видоизменение в условиях процесса глобализации.

В контексте исследования мы рассматриваем культуру прежде всего как семиотическую (знаковую) систему. С этой позиции культура выступает со стороны «внешнего наблюдателя» как некая закодированная система смыслов или текст, ибо последний в широком смысле и есть система кодов, связанных единой структурой языка. Особенностью текста выступает то, что он «не только генератор новых смыслов, но и конденсатор культурной памяти. Текст обладает способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах»². В этом смысле можно дать еще одно описание культуры как некой совокупности текстов и представить человеческую культуру в целом как *Текст* (с большой буквы), то есть как систему, включающую разнообразие всех текстов, созданных человечеством.

В процессе межкультурного взаимодействия происходит постоянный процесс распознавания кодов каждой из культур. Инструментом кодирования выступает живой язык, который формирует то, что мы часто обозначаем как память. «Язык — это код плюс его история»³. В этом его отличие от искусственного языка, который всегда, по выражению Лотмана, есть «структура без памяти». Он может обеспечить точность понимания в виде «чистой передачи» структуры, но такое понимание заведомо будет беднее, так как не имеет корреляции с реальной историей, то есть с событиями

ми. Поэтому познание культуры необходимым образом связано с познанием не только его структуры (грамматики языка), но и внутренней смысловой специфики, соотносимой с реальной историей. Интерпретируя культуру как семиотическую систему, мы можем провести анализ трансформаций, которые в ней происходят в настоящее время под воздействием глобального изменения системы коммуникации.

Вслед за Ю. М. Лотманом мы будем обозначать традиционный, или классический, тип культуры как локальный. Локальность — характерный признак классической модели культуры, которая представляется стационарной и «застывшей» системой с позиции человека, погруженного в данную культуру. Оценить изменения в ней можно было лишь «извне» или по прошествии длительного времени. Локальная культура основана на длительной адаптации новообразований, претендующих на статус культурных ценностей, что обеспечивало ее стабильность за счет безболезненного приспособления к ней новых компонентов и их постепенной модификации.

Другим признаком локальной культуры является присутствие в ней культурных оппозиций, или, по выражению Г. С. Кнабе, культурных дихотомий, которые выступают как своеобразные полюса различных ценностных отношений к тому или иному явлению, находящихся в противоречивом диалектическом единстве.

Центральной выступает *дихотомия «высокое–низкое»*, разделяющая культуру на два компонента — высокую и низовую культуры. Именно наличие этой дихотомии лежит в основе процесса адаптации в культуру различного рода новых образований и придания им культурного или, напротив, внекультурного статуса. Это было блестяще проанализировано М. М. Бахтиным при описании им особенностей так называемой «смеховой культуры» периода Средневековья и Ренессанса. «Низовая» часть культуры вбирала стереотипы, традиции и нормы жизни, характерные для большинства людей в их повседневной жизни. «Высокая» часть культуры, напротив, вырабатывала продукты, которые далеко отстояли от стандартных жизненных стереотипов и представлений, были удалены от реальности, являя собой идеальный культурный пласт. Эта часть культуры была принципиально удалена от повседневности, даже от конкретной личности, требовала определенной подготовки при ее восприятии и особой формы организации ее культурного пространства.

Таким образом, культура представляла собой образование, содержащее противоречивые массовый и элитарный векторы, находящиеся в относительном единстве. Это порождало более узкие дихотомии, отражающие те или иные особенности высокой (элитарной) и низовой (массовой) культур⁴, что в целом стимулировало культурный диалог. Мы рассмотрим лишь

¹ Член-корреспондент РАН, декан философского факультета, заведующий кафедрой онтологии и теории познания МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: «Образцы науки в современной культуре и философии», «Философия и метаморфозы культуры»; «Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии», «Университетские лекции по метафизике» (в соавт.), «Онтология и теория познания» (в соавт.), «Философия: учебник для вузов» (в соавт.), «Принципы принятия управленческих решений в системе федеральных органов исполнительной власти (учебно-методическое пособие для госслужащих)» и др. Председатель Экспертного совета ВАК по философии, социологии и культурологии, председатель докторского Диссертационного совета по специальностям «Онтология и теория познания», «Философия науки и техники» при МГУ. Вице-президент Российского философского общества. Главный редактор журнала «Вестник Московского университета» (Сер. 7. «Философия»), член редколлегии журналов «Вопросы философии» и «Вестник Российского философского общества», «Философские науки». Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

² Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 21.

³ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 13.

⁴ Блестящий анализ данных дихотомий, на который мы опираемся, дал Г. С. Кнабе. См.: Кнабе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1993.

некоторые из них, чтобы далее на их примере показать влияние процессов глобализации на данные структуры.

Дихотомия «прикровенность–откровенность» опиралась на представление о том, что все относящееся к высокой культуре постулируется областью необходимого для культурного человека, а элементы обычной жизни объявляются лежащими вне культуры, представляя собой некую периферию или изнанку бытия. Вырабатывается языковая и поведенческая культура прикрытия компонентов жизни человека, обсуждать которые считается неприличным.

Дихотомия «свой–чужой» отражала замкнутость и самодостаточность каждой локальной культуры, что проявлялось в их противопоставлении друг другу. Это позволяло культурам вырабатывать «иммунитет» к проникновению в нее чуждых элементов другой культуры. Здесь свое (внутрикультурное) рассматривалось как истинное, а чужое — как отрицание этого, в крайних случаях как ложное или даже враждебное. Возникновение книгопечатания усилило эту дихотомию, противопоставляя друг другу национальные языки, которые определяли границы «социального единства»¹.

При этом возникновение книгопечатания усилило тенденцию «систематической линейности» в восприятии мира², что, в свою очередь, привело к формированию такой особенности классической культуры, как высокая ценность *принципа завершенности*. Культурное творчество было направлено на создание завершенных объектов, которые отражали установку на возможность постижения бытия, мира и человека, будь то произведения музыки, архитектуры или философии. Литературный текст выступал как некий эталон текста вообще, некий завершенный смысл, которому противостоят тексты «низовой» культуры.

Диалог локальных культур реализовывался внутри особого коммуникационного пространства, который Ю. М. Лотман называл семиосферой, включая в нее не только сумму языков, но и социокультурное поле их функционирования³. В рамках такой семиосферы область пересечения (тождества) была относительно невелика, а область непересекаемого — огромна. Пересекались наименьшие смысловые части культур, а остаток требовал культурной интерпретации, перевода. Необходимость понимания вела к тенденции расширения области пересечения, но наибольшую смысловую ценность имела именно сфера непересекаемого.

В настоящее время в мире происходят *мощные процессы глобализации*, которые оказывают существенное влияние на все стороны жизни общества, отдельного человека, на структурообразующие компоненты культуры. Глобализация расширяет масштабы коммуникации, делая нашу жизнь более удобной. Комфорт и объективность данного процесса подводят нас к выводу о том, что это позитивное явление. Однако любой процесс развития реализуется как борьба противоположных сторон или тенденций. В частности, глобализация подталкивает мир к процессам интеграционного типа, но одновременно способствует дезинтеграции (отры-

¹ См.: Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев, 2004. С. 319.

² Там же. С. 207.

³ См.: Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. С. 194.

ву) культур друг от друга — в качестве защитной реакции их растворения в глобальной культуре⁴.

Изменение средств коммуникации влияет на человеческую культуру, трансформируя ее в принципиально иной тип. Трансформация здесь означает изменение через эволюционную смену не просто отдельных элементов системы, а самой сущности системы, то есть ее переход в иное качество. Это направленный внутренний процесс изменения, который, в отличие, например, от революции, в большей степени сокрыт от наблюдателя, ибо реализуется за счет встраивания в ее подсистемные части чужеродных элементов, внешне не разрушающих саму систему, но постепенно заставляющий ее работать иным образом. Ее можно было бы сравнить, как это делает Дуглас Рашкофф, с трансформацией клетки, когда в нее встраивается фрагмент чужеродной ДНК, изменяющий ее на генетическом уровне.

Нечто аналогичное происходит и в современной культуре. Культура атакуется «медиавирусами»⁵, и наибольший эффект достигается, как и в случае с живыми организмами, в тех местах, где ослаблен иммунитет, в данном случае «культурный иммунитет» системы, или культура необходимым образом связана с поставщиком «культурных вирусов», чуждых для данной культуры. Конкретная культура получает инфекционное заражение через насаждение культурных стереотипов, которые не вытекают из сформированной веками ее сущности. В результате увеличивается число отдельных культур, впитывающих порции однотипных культурных инфекций, что ведет к ее трансформации. Неслучайно на уровне обыденного сознания мы используем термин «американизация», который необязательно является следствием негативной оценки самих США, а отражает тот факт, что та страна, которая доминирует в научно-техническом отношении, в том числе в сфере информационных технологий, является «культурным донором», распространяющим «медиавирусы» на всем пространстве современной культуры.

В результате *разрушается локальный характер культуры*. Семиосфера как коммуникационное образование, созданное для обеспечения диалога, трансформируется в инфосферу некоего медиапространства, в которое погружаются все культуры, вынужденные существовать по законам этого новообразования. Внешним условием (информационным полем) для такого существования выступает формирующееся пространство глобальной коммуникации, или инфосфера. Инфосфера — это не просто совокупность информационных средств, а реальность, уже не зависящая от человека, но, напротив, делающая его и мир зависящим от нее. Аналогичных процессов в истории человеческого общества не существовало. Вместо адаптации отдельных культур друг к другу в пространстве вышеописанной семиосферы мы оказываемся втянутыми в процесс адаптации всех культур к глобальному коммуникационному пространству. Коммуникация здесь выступает как самостоятельная сила, в буквальном смысле вынуждающая нас вести «диалог» между культурами по своим законам и правилам. Культуры

⁴ См.: Панарин А. С. Глобализация как вызов жизненному миру // Вестник Российской академии наук. 2004. Т. 74, № 7.

⁵ См.: Рашкофф Д. Медиавирус. М., 2003.

погружаются в иную внешнюю среду, которая пронизывает межкультурные диалоги, создавая предпосылку для замыкания его в среде глобального коммуникационного пространства.

Это влияет на характеристики культуры, о которых мы говорили выше.

В мире начинают господствовать *интегративные языковые тенденции*. Один из результатов этого — подчинение всех языков тому, который в наибольшей степени способен распространить себя в силу политических, научно-технических и других условий. Расширяется «псевдокультурное» поле общения, диалог в котором осуществляется по принципу познания наиболее доступных, совпадающих или почти совпадающих смысловых структур. В этом коммуникационном поле господствуют общие стереотипы, общие оценки, общие параметры требуемого поведения, общедоступные, то есть наиболее простые, компоненты. Безусловно, это сопряжено с массой удобств, но одновременно может лишить диалог между культурами всякого смысла. Мы можем понять любого человека в любой точке Земли, но на уровне совпадения или даже тождественности смыслов. Это становится общением ради общения. Это общение со своим зеркальным отображением, причем по заданным стереотипам коммуникации. Превалирует царство мертвой тождественности при огромной внешней активности.

Происходит *резкое увеличение образований, преобладающих на статус культурных*. Старая система ценностей подвергается мощнейшему давлению и разрушению, а временные рамки адаптации не позволяют новым символам и знакам адаптироваться к традиционной смысловой (связанной с текстом) системе ценностей. Разрушаются системы ценностей и традиций, которые господствовали веками, новые ценности настолько расходятся с традиционными, что их культурообразующий смысл остается не всегда ясным. Возрастает количество людей, воспринимающих культурные образования, но они лишаются той утонченности и глубины, той степени подготовки, которая требовалась ранее.

Нарушается пропорция между высокой и низкой культурами. Последняя становится массовой не только по количеству вовлеченных в нее субъектов, но и по упрощенному качеству потребляемого продукта. В результате доминирующим фактором оказывается не смысл или качество продукта творчества, а система его распространения (тиражирования). В этом смысле массовая культура — это типично низовая культура, но значительно усиленная новейшими средствами аудиовизуального репродуцирования.

Именно в этих условиях и *возникает феномен «поп-культуры»* как некоего антикультурного «выброса» из общей системы культуры части низовой культуры, ставшей массовой по характеру своего производства и потребления, продукты которой широко распространяются благодаря современным средствам массовой коммуникации. В этом смысле поп-культура противостоит не только высокой (элитарной) культуре, но культуре в целом, представляя собой контркультурное явление. Именно поэтому мы можем обозначать ее как

симуляцию культуры, подменяющую собой культуру как таковую. Она не имеет национальных корней (даже если сопряжена с языком своей культуры), а является достоянием всех. Главным отличием поп-культуры от классической культуры является изменение характера производства и потребления ее образцов, для которых важнейшим фактором становится огромная массовость и чрезвычайная оперативность распространения. Это в свою очередь порождает бесконечное приумножение сферы удовольствий и развлечений. Современное общество становится фабрикой развлечений, потребители продуктов которой — все общество. Условием развития такой культуры является интегрированная информационная среда, а реализацией — массовые действия, которые мы нынче обозначаем как шоу. Это среда для размножения «медиавирусов», которые распространяются в ней «точно так же, как биологические вирусы»¹.

В шоу господствует не индивидуальное (то есть отличное от другого) творчество, а принцип соучастия. Участие само по себе становится формой коммуникации без необходимости какого-то понимания другого или передачи какого-то смысла. Поскольку бесконечное шоу поп-культуры пронизывает сегодня жизнь каждого человека, то оно не ограничивается только традиционными средствами развлечения, а превращает в развлечение всю окружающую действительность. Реальная жизнь подменяется бесконечными реалистическими шоу, вынуждающими нас смотреть на самих себя на экране телевизора. Это пример наивысшей степени симуляции, которая не так безобидна, ибо вырабатывает в человеке однотипные, а значит, легко поддающиеся манипуляции стереотипы поведения. Мы начинаем погружаться в «реальность», которая конструируется массмедиа, и «знаки поп-культуры и зрелища массмедиа все больше заслоняют чувство реальности людей»². Современный мир превращается в большое шоу и работает по законам данного жанра.

В определенном смысле шоу на новом уровне представляет собой средневековый карнавал, который вошел в нашу жизнь, но в условиях совершенно иной информационной среды. В результате мы живем в обществе, в котором карнавал затянулся и вместо одной-двух недель или месяца длится почти постоянно, нарушая тем самым естественный баланс между высокой и низкой культурами в пользу последней. Низовая культура становится культурой официально признанной как ее превращенная форма, продукты которой как товар необходимо постоянно потреблять. Блестящим условием для нарастания и закрепления карнавала становится Интернет. Общение в Интернете — это виртуальное карнавальное шествие со всей его атрибутикой. Вместо собеседников — маски, которые позволяют говорить все что угодно, включая оскорбления и пр. Это царство (которое в Средние века было временным) дураков, шутов и клоунов, надевающих колпаки. Но карнавал через две-три недели

¹ Раишкова Д. Указ. соч. С. 15.

² Чернявичуте Ю. От высокой культуры к поп-культуре: производство и потребление культуры // Портал «Социально-гуманитарное и политологическое образование». URL: <http://www.auditorium.ru/>

завершался, и люди, получив порцию адреналина, уходили в реальную жизнь до следующего карнавала. Интернет продлевает виртуальный карнавал, переводя его в реальную жизнь, смысл которой легко укладывается в известные три буквы на бесконечно длинном заборе. Мы не можем сконструировать внутри Интернета моральные принципы, перенеся их из нашей действительности. А поскольку их нет, а есть развернутое пространство информации, оно может как сознательно, так и неосознанно подвергаться бесконечной интерпретации. Для описанного состояния культуры характерны все признаки низовой культуры, в центре которой стоит так или иначе понимаемая, как отмечает Г. С. Кнабе, повседневность, ставшая наивысшей культурной ценностью, которая, в свою очередь, сопряжена с такими формами жизненного поведения, как достижение успеха любыми средствами, стремление к комфорту и т. д. Это пронизывает все области человеческой деятельности и культуры.

«Попса» проникает в том числе в такие сферы, как наука и философия.

В конкретных науках это выглядит как выброс на медиарынок результатов данного вида деятельности, часто адаптированной до неузнаваемости или даже до своей противоположности. Есть поп-звезды эстрады или религии, как справедливо отмечает Симон Кардонский, точно так же возникают и поп-ученые с полным набором атрибутики поп-звезды. «Оказалось, что вкладывать деньги в персонифицированную научную

рекламу и научные страшилки гораздо эффективнее, чем в получение нового знания»¹. В философии вариантом поп-культуры выступает постмодернизм, представляя собой некий конгломерат философских воззрений, литературных опытов, фиксаций современных социальных переживаний. «Под вывеской постмодернизма можно не только ставить спектакли и писать стихи, но и печь блины, носить экстравагантные костюмы, заниматься любовью и ссориться, а также зачислять себе в предшественники любых понравившихся авторов из пантеона мировой культуры»². Постмодернизм — это общекультурная деконструктивистская позиция. Это еще одно зеркало культуры на ее современном этапе, одно из проявлений поп-культуры.

Реализацией идей постмодернизма и деконструктивизма на уровне обыденного сознания выступает клиповое сознание. Это форма, отражающая такое умонастроение эпохи, когда человек устал читать большие тексты — будь то образцы литературы или философии; его жизнь заполнена фрагментами новообразованных культурных феноменов; одновременно он стал более свободен в собственном мышлении. Это позволяет ему скорее строить собственные объяснения тех или иных феноменов, чем накладывать предлагаемые, которые при этом нужно еще как-то освоить. Таким образом, из культуры при внешне активном обмене информацией исчезает диалог как обмен смыслами, ибо он просто не нужен в глобальном потребительском обществе.

¹ Кардонский С. Кризисы науки и научная мифология // Отечественные записки. URL: http://www.strana-oz.ru/numbers/2002_07/2002_07

² Вайнштейн О. Б. Постмодернизм: история или язык? // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 3–7.